

Якорь поднят. Звучит команда: «На фалах, дирик-фалах и гафельгорделях!» и через полминуты: «Паруса поднять!».

Воспитанники тянут снасти бегучего такелажа¹, и паруса ползут вверх. Под напором ветра они оживают, упруго выгибаются, и вот уже шхуна, слегка накренившись, под ласкающий слух говорок воды режет море форштевнем. Но заканчивалось увлекательное плавание, и снова наступала однообразная жизнь на судне, одиноко стоявшем на рейде.

Особенно грустно было по вечерам, когда недалёкий берег манил щемящей сердце музыкой и яркими огнями. В такие вечера юные военморы шли на бак², где у обреза с водой иногда разыгрывались своеобразные спектакли. Матросы шхуны любили «заводить» моториста Василия Конькова, небольшого росточка с белёсыми ресницами. Он заведовал двигателем от трактора Челябинского завода, который использовался при полном безветрии и швартовке. Как только Коньков появлялся на баке, кто-нибудь из насмешников говорил:

– Василий, когда твой роман будем читать, – делая ударение в слове «роман» на первом слоге. – страниц бы так на тыщу, а то в твоих газетных заметках индивидуальности и масштабности таланта не видно.

Коньков бросал окурок в обрез и спокойно отвечал:

– Не бельмеса вы не понимаете в журналистике. – И с достоинством удалялся.

Суббота. На шхуне большая приборка. Жадно сосёт теплую забортную воду брандспойт, бьет струя из шланга. Загорелые, в одних трусах и с чехлами от бескозырок на головах воспитанни-

¹ Такелаж – общее название снастей (цепей тросов, канатов), используемых для постановки и уборки парусов, управления ими, грузовых операций, подъема сигналов.

² Бак – носовая часть верхней палубы корабля (судна)

ки на корточках усердно трут торцами кирпичей деревянную палубу, посыпанную песочком. По трели боцманской дудки сделан перерыв. Матросы потянулись на бак покурить. Пришёл туда и Коньков, оглянулся и заговорчески предложил:

– Ребята, разыграем подготов¹? Заставим поднять грот-мачту, а?

– Давай прямо сейчас, после перерыва! – предложил кто-то.

Приборка возобновилась. К группе воспитанников подошли матросы. Один со шлангом брандспойта в руках.

– Товарищи, поднимем грот-мачту, скатить под ней надо, – буднично обратился к юным морякам Коньков.

Матросы обхватили мачту. К ним подбежали воспитанники, первым Светлых.

– Раз, два, взяли! – громко командовал Коньков.

Подготы краснели от натуги, поднимая вверх мачту.

– Навались, ребята! Сейчас пойдёт. Раз, два, взяли! – ещё громче кричал моторист.

И взрыв хохота!

– Ну и дурак ты, Лёша! – с досадой в голосе упрекнул товарища Игнатов. – Шток мачты в киле ведь намертво закреплён. Забыл?

Алексей, смахнув тыльной стороной широкой ладони пот со лба, ещё энергичнее стал тереть кирпичом палубу.

После приборки и обеда воспитанники загорали, блаженно развалиясь на палубе, пахнувшей сосновой смолой.

Светлых, бачковой первого отделения четвёртого взвода, закончив мыть посуду, выплеснул за борт воду, а вместе с ней и ложки. Жалобно звякнув о края бачка, они медленно погрузились в зелёную глубину, как стайка серебристых рыбок.

– Надо же! – сказал Алексей и с досады ударил кулаком по планширю.

Во время ужина первое отделение, глядя голодными глазами на энергично работающих челюстями товарищей и поругивая Светлых, ждало, когда освободятся ложки. Подошёл руководитель практики капитан 2-го ранга Борисенко в накрахмаленном белоснежном кителе с трубкой в руке.

– Почему не кушаете? – спросил офицер.

– Ложки нечаянно я за борт выбросил, – поднявшись, признался Алексей и опустил черноволосую голову.

– Придётся вас наказать, воспитанник Светлых, за утрату народного имущества, – сказал Борисенко, проведя кончиком

¹ Так называли себя воспитанники военно-морских подготовительных училищ.

прямого мундштука трубки по седеющим аккуратным усикам и направился в каюту.

На вечерней поверке Светлых был объявлен наряд на работу вне очереди.

...Разбуженные сигналом дудки от тяжёлого послеобеденного сна, воспитанники нехотя собирались на самостоятельное занятие по парусному вооружению шхуны, рассаживаясь с тетрадами прямо на палубе. На предыдущих уроках они зарисовали и выучили назубок рациональное хитросплетение рангоута¹, парусов и такелажа. Желания заниматься ни у кого не было.

К Павлу подошёл боцман шхуны и стал его экзаменовать.

– Воспитанник Игнатов, что такое гафель?

– Это рей, один конец которого движется по пазу в мачте.

К гафелю пришнуровывается верхняя кромка трапециевидного паруса, для постановки и уборки которого гафель поднимается и опускается, – отчеканил Игнатов.

– Что такое дирик-фал и гафель-гардель?

– Тросы бегущего такелажа, с помощью которых парус поднимают, удерживают и опускают.

– А кто будет вместо вас рисовать?

– У меня все давно изображено. – Павел протянул боцману тетрадь, хозяин верхней палубы её не взял.

– Под другим ракурсом надо зарисовать.

– Пустым делом я заниматься не буду.

А дальше нашла коса на камень. Боцман настаивал, Павел твёрдо стоял на своем. Кончилось все тем, что боцман пошёл к Борисенко и доложил, что воспитанник Игнатов мало того, что не хочет заниматься, а ещё и пререкается. Руководитель практики вызвал непокорного воспитанника к себе. Было жарко, и он лежал на койке в одних трусах. «Какие у него белые ноги», – подумал Павел, войдя в каюту. От кавторанга он вышел с одним нарядом на работу вне очереди, но с непоколебимым убеждением в своей правоте.

Вечером в кубрик спустился по трапу Коньков. Выставив вперёд ногу в хромовом ботинке, он начальственно произнёс: «Воспитанники Игнатов и Светлых поступают в моё полное распоряжение. Немедленно прибыть в моторный отсек на работу».

¹ Рангоут – деревянные или металлические изделия или предметы парусного вооружения кораблей (судов) – мачты, рей, и т.п., предназначенные для постановки и несения парусов.

Через три минуты Павел и Алексей очищали поддон двигателя от жирной мазутной грязи.

...На шхуну ежедневно доставляли газету Каспийской флотилии, которую Алексей всегда начинал читать с последней полосы – с новостей спортивной жизни. Прочитав об очередной победе ватерпольной команды флотилии, перевернул газету и не поверил своим глазами: «На шхуне «Галфинд» проходят первую морскую практику воспитанники Саратовского военно-морского подготовительного училища, – прочитал он. Будущие офицеры успешно осваивают военно-морское дело. В лучшую сторону выделяются П. Игнатов и А. Светлых. Военкор В. Коньков».

Светлых, найдя Павла, ткнул пальцем в заметку, радостно сообщил:

– Читай, про нас написано, передовики мы с тобой.

Прочитав, Игнатов нахмурился:

– Какие мы с тобой передовики, если наряды вне очереди обрабатываем? Пошли к Конькову.

«Военного корреспондента» они нашли на баке. Он стоял, по привычке выставив ногу, держа самокрутку между средним и указательным пальцами на уровне груди.

– Какое вы имеете право называть нас в заметке лучшими, когда мы имеем взыскания? – спросил Павел.

Коньков, не смущаясь, назидательно изрёк:

– Во-первых, капитан 2-го ранга Борисенко сказал, что парусное вооружение шхуны вы лучше всех знаете. Во-вторых, без строгости на военной службе никак нельзя, так что, наряды не в счёт. И самое главное – мы с капитаном 2-го ранга думаем, что из вас хорошие офицеры получатся.

Коньков похлопал Павла по плечу.

На следующий день после завтрака баркас увозил практикантов на берег. Они прощально махали руками. Коньков стоял на ютовой¹ надстройке, выставив вперед ногу, с поднятой вверх бескозыркой.

К полудню воспитанники разместились на верхней палубе замызганного, построенного еще при царе, теплоходе «Багиров», который вскоре вышел из Баку и взял курс на Астрахань. На море был полный штиль, а настроение подготов и их воспитателей под стать погоде – впереди отпуск. Перед ужином

¹ Ют – кормовая часть палубы корабля (судна).

открыли бочки с селёдкой и разрешили воспитанникам есть вволю – кто сколько хочет. Они навалились на вкусную жирную рыбу. Ели за ужином, вечером, ночью и с утра наступившего дня, ели без хлеба и запивали водой.

Неожиданно со стороны Дербента подул сильный ветер и погнал крутые волны, которые, как тяжёлые кувалды били в ржавый борт, словно хотели проломить его. Порывы ветра резко кренили судно, стремясь опрокинуть. Теплоход медленно возвращался на ровный киль. В желудках воспитанников плескалась вода, подступала тошнота, лица становились зелёными. Юные военморы крепились, стремясь не показывать друг другу, что их укачало. Но вот один, за ним второй, третий, зажав рты, побежали в галюны и умывальники. Лихие мореманы превратились в больных беспомощных мальчишек. Безжалостная, выворачивающая внутренности качка прекратилась, когда «Багиров» вошёл в один из рукавов дельты Волги и вскоре отшвартовался в Астраханском порту.

Воспитанники перешли на белоснежный речной трёхпалубный теплоход, который, блестя надраенными медными поручнями и подавая гудки густым баритоном, пошёл вверх по Волге. Офицеры и мичманы блаженствовали в каютах, а в укромном уголке кубрика оморяченные подготы занимали очередь на татуировку. Самый лучший рисовальщик класса, высунув кончик языка, макал в чёрную тушь две иголки, туго стянутые ниткой почти до самых кончиков, и старательно выкалывал по контурному рисунку на кистях рук – адмиралтейские якоря, обвитые якорьцепью, на предплечьях – военно-морские флаги, наложенные на спасательные круги, или русалок с осиными талиями.

Ожидая своей очереди, Павел и Алексей играли в шахматы, но нагрязнул капитан 2-го ранга Борисенко и прекратил это туземное обезображивание юношеских тел. Уже став взрослыми, Игнатов и Светлых, видя на руках мужчин расплывшиеся татуировки, мысленно благодарили кавторанга.